

Станислав Куняев выступает в МИД России

Константин ШАКАРЯН

«Мне годы повелели...»

С днём рождения!

27 ноября Станиславу Куняеву исполняется... впрочем, паспортные данные тут ни к чему. День рождения человека, который недавно закончил новую книгу, отметил круглую дату боевой редакторской деятельности, имя которого наводит ужас на добрую половину нашей "интеллигентности". И сколько же лет может быть этому "мужчине в полном расцвете сил"? Шестьдесят – от силы. Не говоря уж о том, что "поэту вообще не пристали года" (перефразируем Анну Андреевну). Потому и так лих наш поэт – в каждом заявлении и выпаде:

*Мне годы повелели,
а я им слово дал,
что ваши юбилеи
в сыром гробу выдам...*

Никакая "юбилейность" и "круглогодатость" Куняеву не присуща. Иное дело – тридцатилетие деятельности на посту главного редактора крупнейшего русского журнала. "Наш современник" – журнал знаковый во всех отношениях, и главным редактором его (начиная с 1989 – в самое тяжёлое за последние полвека для России время) не мог быть человек иного склада и масштаба – не выдержал бы, как не выдержал поэт, фронтовик Сергей Вилков, передавший Станиславу Юрьевичу пост главного редактора в годы надвигающегося великого хаоса и разрухи на Руси.

Тридцать лет борьбы, тридцать лет открытия талантов по всей России, тридцать горьких, напряжённых и всё равно – счастливых лет. Тут, конечно, год считается за два, а то и за три. И ничто ещё не кончено, путь "Нашего современника" продолжится, и представить лучший русский журнал без стоящего у штурвала его главного редактора просто невозможно. Плывём и знаем, куда нам плыть!

*До предела себя утомить,
растравжить себя до предела.
До отказа натянута нить
силы духа и крепости тела.
Не поддаться покою в тиши,
созерцанию, томительной лени...
Нету времени – лучше сплести,
нет пути – рассчитай направление.
Устремившись за этой судьбой –
не за чьей-нибудь, а за своей! –
ты готов рассчитать собой
за удел обладания ею!
Неуступчив и нетерпелив,
настигаешь её то и дело,
кулаки и лицо опалив,
выжав душу и вымотав тело!..
До предела себя утомив,
растравжив себя до предела...*

От редакции.
Станислав Юрьевич!
С днём рождения!
Радости от жизни – ежедневной!

Одно из известнейших (почему именно Оно «в топе» – о том и будет речь) заявление Юрия Полякова: «Если бы мне предложили альтернативу: сохраняется СССР, не будет жутких 90-х, не лишится бережений старики, но твои вещи будут напечатаны через 15-20 лет, я бы с радостью согласился. Не стоит свобода слова разгрома страны, обобранных стариков, утраченных территорий!».

То есть память о первых всесоюзных «громкопечатных» повестях «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа» – не упоение; сами даты публикаций, экранизаций 198... оставляют лишь желание – стереть! Отбросить все свои успехи – только вместе с той горба-ельцинской кунсткамерой, колышущимися в банках заспиртованными (буквально и переносно) уродцами.

Многие ли мысленно, да и вслух, печатно, формулировали «контракты» такого типа. Да и с кем? – И кто в силах отметить «то десятилетие», отмотать пленку? Понятно ж – Кто. И недавно, размышляя над «контрактом Полякова» я допустил еретическую мысль, что сей «Договор», не только был подписан, но в некоем смысле и реализован!

«Сторона Юрий Поляков» действительно уплатила 15-20-летней отсрочки, правда – не «напечатанные». Ныне «танцуют все», и теперь не/напечатанные – уже не товар! За это жизни кошки не выручишь, не то что ядерной державы. Другой важнейшей (если не кривить душой) компонент жизни писателя: внимание, понимание литературоведов. Нет, народную любовь никто не отменял, но именно реплики, статьи (в их массивной целокупности) – внимание этой особой прослойки, которая может и книг не покупает: «дарными шкаф ломится!», даёт пропуск на магический «сервер» История литературы, к читателям грядущих десятилетий/веков...

Уж так расставлены литературно-критические силы, что внесение сочинений Юрия Полякова на сей «сервер» – отсрочено на некие годы. Разобраны и «перемыты» все его политические высказывания, начиная с вынесенного в первый абзац этого текста, – но нет, например, подробных исследований особого юмора его повестей. Своеобразного стиля, дающего некий «эффект парения». Я-то – не литературовед, и точно не в моей власти сократить/увеличить ту отсрочку профессионального понимания, и мое читательское ощущение выражу тоже непрофессионально: легкость, летучесть текстов Полякова даёт эффект, словно герои летят над социально-политическими волнами, бурями – как бушпритные скульптуры или героиня Уинслет в фильме «Титаник». Потому, кстати, в произведениях Полякова нет настоящих трагедий (если признаком таковых считать трупы, обильную стрельбу или резню). Архетип его драмы: в одной из первых (второй) повести: «ЧП районного масштаба». В комнату райкома забрались ребята, пили портвейн, унесли кубок и знамя. Последующая суэта, смешная бестолковщина, как-то, на мой взгляд, предсказала ГК-ЧП уже другого масштаба, но в общем той же стилистики. Гена Янаев и будущий рекламщик пиццы – ведь абсолютно же полкавские персонажи.

А «Вторая сторона договора» – столь же условно, «виртуально» выполнила свою часть: СССР сохранен, обобранных стариков «жутких 90-х» – нет! «Как прикажешь тебя понимать, Саид?» – Так, что на «одоговоренном» уровне, в сфере художественного воплощения, осмысления развала страны, «жути» нет. Откройте «Козленка в молоке»: абсолютно те же люди, тот же уровень жестокости, насилия, что в «ЧП!», так же смешно. Внутрисистемная комедия? Но и в «Демгород-

Человечество России, смеясь, хранит своё прошлое

Игорь ШУМЕЙКО

К 65-летию Юрия Полякова

ке» – политика в полный рост, вроде произошел контр-переворот, «о необходимости которого все время говорили» все кому не лень. И после всей «жути», «контр-жути» свернутые демократы проживают очень похоже на уволенных Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шелепина. А в том интеллектуальном напряжении? – Да Феликс Чуев на «этих отставников» пожалел бы и метра пленки, и минуты времени... но, главный их вопрос: «уровень физического насилия?». В «Небе падших» – одна закадровая смерть бизнесмена тоже никак не иллюстрирует, что уровень насилия подскочил.

Общественный политический деятель, публицист Юрий Поляков никому не даст усомниться в честности, гражданском мужестве: статья «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!» 6 октября 1993 года оказалась единственным в открытой прессе «протестом против утверждения демократии с помощью танковой палубы по парламенту».

Расплата была именно та, которую я представлял в воображаемом договоре. Юрий Поляков: «Из школьной программы разом вылетели мои повести, из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной двери... Я не жалуюсь, хочу обратить внимание: любая власть борется с инакомыслием одинаково, начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием».

Т.е. вся «реальная жуть» – в интервью, политических заявлениях, публицистике Полякова, а в его художественном (подразделяющий термин Льва Толстого) герои так же парят над «бурями» – замалчивания просто просытятся. «Нищета»? – Но любой бедствующий герой знаком, как правило, через одно рукопожатие (лично), максимум через два, с «новым русским», богачом, который рад поддержать, подкинуть работку, вложить... И пред этими рукопожатиями – «костлявая рука голода» не более чем жуел.

Если вдматься, это заливывание смеха СССР и смеха РФ, этих ЧП районных масштабов и жутей 90-х, играло и играет колоссальную национальную (вот тут без кавычек) роль! Сшивание разрыва, димедрол для народа (не опиум!), смехо-опровержение самой идеи гражданской войны, спасительное пушкинское «все те же мы!»... много еще можно дать сравнений.

Мы и тут опровергли бородатого Карлушу: «смеясь» не расставались, а сохраняли свое прошлое.

И... самое главное: та благая роль Полякова – вовсе не осознанной его политический шаг! Типа: вошёл в Президентский совет, возглавил ЛГ, стал доверенным лицом Путина – значит впрягся в «национальное примирение», в поиск национальной же идеи... Это имело бы элемент расчета, политической, пусть даже честной, сделки!

Нет, чистота эксперимента, красота случая в том, что договор, с которого началась речь, заключен и реализован в субуго «художественной части» Юрия Полякова! В подоснован, где человек честней всего (сам внутри себя не врет наверняка даже Сванидзе). То, что Юрий внутренне решился: «да, я жертвую свои 15-20 писательских лет, только чтоб не

видеть распад страны, и тех 90-х» – это и сыграло так, что распада и жутей – в его «художественном» нет.

Чем-то напоминает знаменитый ход Леннона против Вьетнамской (в частности) войны. Джон оплатил гигантские баннеры в центре Нью-Йорка и подобных городов: крупная надпись «Война закончена» и мелень «Если вы этого хотите». Понять можно было и как призыв: ваше солидарное желание покончит войну! И как некую медитацию: вот вы закрыли глаза, представили, и её уже нет! Ведь война – в мозгах.

В общем, мысль материальна. Что о Вьетнамской войне мысль, что о нашей гражданской, в те самые 90-е придуманной в том числе смехом, ностальгией Полякова. И поговорке «честность – лучшая политика», в мае 94-го, далекий от парадных подъездов, всех «аналитических центров, политологических институтов», он выдал точный прогноз: эссе «Россия накануне патристического бума». – «Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволений. В то время

октября по «Культуре» дали юбилей (назвал фамилию) – да кто его знает, а Полякова замолчали! А у нас его читают! Вот, хоть и с опозданием, передаю – написал статью о нём».

Я, отходя от Севморпути, покивал «Безобразии», взял статью, и только дома заглянул – есть такая программа Яндекс – и оттуда понял, что:

а) сибиряк Вычужанин погорячился: юбилей Полякова 12-го, но не октября, а ноября, и молчание «Культуры» это извиняет;

б) в этой его готовности, настроенности на «оплять замолчали» – есть «своя сермяжная»: люди чувствуют некую непропорциональность *вклада и шлейфа*.

Всё высказанное насчет подсознания писателя Полякова требует от меня одного объяснения. Белинский в статье о «Мёртвых душах», уточнил: «Всё это сказал нам не автор, а его книга!». Белинский был знаком с Гоголем и боялся, что его выводы о книге сплешут на доверительный междусобойчик.

Я тоже лично знаком с героем статьи, но подчеркну, что все (считанные) наши

слово «патриот» стало почти бранным, теледикторы произносили его с брезгливой судорогой на лице».

(Не) странно, что инстанции, выписывающие «сертификат литературной рукопожатности», играют в бойкот Полякова при таком равном (СССР и РФ) распределении мишеней его сатир...

А мне прошлая неделя дала неожиданный, отчасти комичный пример... Простите за неизбежную громоздкость: *отношения к отношению к Полякову*.

15 октября в Русском Географическом обществе я выступал как один из авторов альманаха «Северный морской путь». Серьезнейшие четыре шестистотстраничных тома. В перерыве ко мне подошел один из редакторов Александр Вычужанин. Он, как и издатель Аркадий Елфимов, – сибиряк, общались мы по мэйлу, познакомились только что. И первый его слух был: «А вы тут опять замолчали 65-летие Юрия Полякова! Я следил! 12

разговоры касались тем: водка (и шире – алкоголь), Комсомол, Отечественная война, Украина, борьба с фальсификацией истории. Что и отражено в моих статьях или статьях о моих книгах в ЛГ. Плюс в прошлогоднюю книгу «Век комсомола» включил беседу о «комсомольских пьянках, банях» (частично уже была опубликована в книге «Русская водка. 500 лет неразбавленной истории»).

А очень смешной рассказ Юрия Михайловича «Там человек сторел!» про его встречу в солярии с бывшим комсомольским вождём Сергеем Станкевичем, я (уже без спроса) процитировал, ввел в главу, рассказывающую о распаде ВЛКСМ. Назвал её (видно картина Полякова стояла пред взором): «Утомленные солярием»...

P.S. Автором ЛГ я уже года 2-3 не являюсь: это, подчеркиваю, не личностный, а свой – субуго теоретический, читательский подход.

Русские мысли Татьяны Глушковой

К 80-летию со дня рождения поэта и публициста

заключительной части цикла говорит от лица сына Великого князя Ярослава:
*Как примирить враждой разъятый мир,
привычное людское разобщенье,
чтоб главы величавой Византии
признали гордое величие храма,
что в Киеве стоит, отцом построен?
Решенья нет... О, неужели,
глаза затем лишь, чтоб повелевать,
рука затем, чтоб сечь упругий воздух?
Так долг велит... А лучше строить храмы...*

С этого цикла, который стал дипломной работой Татьяны Глушковой, и началось ее

противостояние антихристианским установкам официальной власти и тем, кто обслуживал эту власть, включая руководителя литературного семинара Ильёу Сельвинского. Именно он заблокировал дипломную защиту Глушковой. И неизвестно, когда бы она стала обладательницей диплома с отличием, если бы не заступничество живого классика Сергея Сергеевича Наровчатова (1903-1993).

Читая «Софию Киевскую», диву даешься тому, что Татьяну Глушкову называли красной, даже красно-коричневой. Да, она глубоко переживала распад своей Родины под названием Советский Союз. Она оплакивала павших за-

щитников Белого Дома в цикле стихотворений «Всю смерть поправ». Но это вовсе не означает, что ею двигала красная идея. Она неизбежно чувствовала глубинные корни России.

Потрясенная расстрелом людей в центре Москве на глазах у всего мира, Татьяна Глушкова писала:

*И все Святые, что в родной земле
за все тысячелетие просияли,
у наших павших в головах стояли,
и луч желтел в необоримой меле...*

*Катились слезы по щекам моим,
темнило горе лик моих сограждан.
Но с каждым павшим*

*в листопаде страшном
был наш союз отныне нерушим.
И нету мощи, чтобы одолеть
ту крепь – коль встанут*

*мертвецы с живыми,
единого Отечества во имя
готовые вторично умереть.*

В творчестве Татьяны Глушковой нередко возникала антитеза жизнь – смерть. Однако после событий октября 1993 года эта антитеза только усилилась. В стихотворении «Сороковины» она пишет:

*Всю смерть поправ
своею краткой смертью,
повернув в гибель недругов лихих,
одну – под всей крутой
небесной твердью –
узреть они Россию во благих.
И ты молишь, дитя в промерзлой шубке,
и ты, старик, – за правнуков своих:
в крови, во гладе, веткой на порубке –
воспрянем, воссияем во благих!...*

Другая антитеза верность – предательство, мучила Татьяну Глушкову на протяжении всей жизни. Рассматривая образ Сальери в маленькой трагедии Пушкина, она приходит к мысли, что вкрадчивый завистник, отравив Моцарта, в первую очередь предал себя и свое призвание. Именно так Татьяна Глушкова воспринимала письмо 42-х деятелей культуры, которые, прячась друг за друга, обратились к Б.Н. Ельцину с призывом до конца расправиться с защитниками Верховного Совета, вплоть до закрытия оппозиционных изданий. Так они предали самих себя и свое дарование. Как это ни горько, среди подписантов позорного письма 42-х от 5 октября 1993 года стоят и знакомые имена: Дмитрий Лихачев, Виктор Астафьев, Даниил Гранин.

Оплакав павших защитников Белого Дома, Татьяна Глушкова опубликовала серию статей в журнале «Молодая Гвардия» с критикой ослабленного патристического движения. Более того, она предположила термин «номенклатурный патриотизм», не понимая, что наступили

время не разбрасывать, а собирать камни. Тем не менее, светлый и мужественный образ поэта, критика и публициста Татьяны Глушковой навсегда останется с нами.

Самая большая заслуга Татьяны Глушковой состоит в том, что она интуитивно вышла в цикле стихов «Всю смерть поправ» на Святоотеческую Традицию, данную нам свыше во время Крещения Руси. Эта традиция заключается в человеколюбии и стремлении к Благодати Божией как к национальному идеалу. По сути, это была Русская Национальная Идея, благодаря которой и соиздалась наша держава до 1917 года.

После революции Святоотеческая Традиция была заменена на гуманистическую. Русские писатели эмигранты первой волны Николай Бердяев, Владимир Вейдле и другие указывали на то, что между православным человеколюбием в России и европейским гуманизмом существует огромная разница, поскольку последний не предполагает веры в Бога. Тем не менее, русская классика до сих пор сводится к гуманистической традиции.

В противовес этому заблуждению в научном сборнике «Контекст 1978», издаваемом под редакцией Петра Галиевского, была опубликована статья «Конструктивные принципы древнерусского календаря». Она принесла ее автору Андрею Николаевичу Зелинскому мировую известность выдающегося ученого в области литургического времени Христианской культуры. Дело в том, что в этой работе дана графическая реконструкция Великого Миротворного Круга Освященного времени на двенадцатыми праздниками, образующими основу православного литургического года, с чудотворными иконами, святыми и новомучениками. В центре этого Круга мы видим воскресшего Христа. Важно подчеркнуть, что Освященное время подчинено сакральному ритму Вселенной. Другими словами, литургический ритм непрерывен во времени. Но если он искусственно перебивается, то этим нарушается и всеобщая ритмическая гармония, которая пронизывает весь Космос. Тогда ломаются литургические часы, прерывается Святоотеческая Традиция и рвется связь времен, что приводит к расстройству психики и сознания людей. Согласно определению Юлии Шишиной-Зелинской, культура – это литургически организованное сознание народа.

...Вместе с этим надо особо подчеркнуть, что Великий Миротворный Круг, как показал Андрей Зелинский, является неиссякаемым источником Святоотеческой Традиции.

В своих лучших стихах Татьяна Глушкова пришла к поэтическому воплощению этой Традиции:

У поэта нет своих – ничей он.

Высшему послушен он суду...

Григорий КАЛЮЖНЫЙ

(Начало – стр. 1)

В итоге кропотливого анализа литературоведческих высказываний она пришла к выводу, что традиция поэзии заключает в себе «дух целостности, цельное, а не разорванное, неряшливо растекшееся мироощущение; постоянное ощущение связи мировых процессов, связи времен даже в катастрофические эпохи». Но самое точное и краткое определение поэтической традиции ею дано в названии этой статьи. Так Татьяна Глушкова вошла в русское литературоведение.

Как поэт она заявила о себе в 1971 году, когда в московском издательстве «Советский писатель» вышла ее первая книга стихов «Белая улица». Поскольку Татьяна Михайловна принадлежала к поколению детей войны и более двух лет прожила с бабушкой на захваченной немцами территории в селе под Киевом, то и многие ее стихи пронизаны духом военного лихолетья. Среди них:

*А он был тоже окруженцем,
тот стародавний соловей,
который солнечным коленцем
остался в памяти моей.
А он был тоже небогатым,
и он был тоже сиротой,
когда пылающие хаты
всю ночь светили за рекой...*

А некоторые стихи из этого ряда даже переключаются с нашим временем:

*И выпало нам дивное богатство –
все, что любили, разом потерять,
и в чистом поле беженцами завтатья,
и в теплом пепле – родину искать...*

Пространство судьбы с ее неповторимым голосом в стихах Татьяны Глушковой как бы рождается из образа неизбежной и всегда непредсказуемой дороги:

*В тот ранний час, когда пришла беда,
едва жива, я вышла на дорогу.
Юным выжжена, белым-бела,
она упала к самому порогу...*

Неслучайно тема дороги, явно или неявно, присутствует на всем протяжении ее поэтического творчества. А точнее, с того времени, когда она четырехлетней малюткой ступила на нее, чтобы пойти, как покажет будущее, из одной оккупации в другую, не менее жестокую. Именно так Татьяна Глушкова восприняла Перестройку и последующие события в стране. Отсюда, естественно, напрашивается мысль о том, что Белая улица и дорога, которая белым-бела, привели ее к Белому Дому по воле самого Провидения.

...Ее посмертный сборник «Не говорю тебе прощай», по сути, открывается циклом стихотворений «София Киевская». Вслушиваясь в голоса Древней Руси, Татьяна Глушкова в

Татьяна Глушкова (1939-2001)